

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

В.Д. Альперович

МЕТАФОРЫ ВРАГА И ДРУГА В СВЯЗИ С МЕТАФОРАМИ СУБЪЕКТА ЖИЗНЕННОГО ПУТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В статье описано пилотажное эмпирическое исследование метафор Врага и Друга в связи с метафорами субъекта жизненного пути у лиц на этапе ранней и средней взрослости. Проблемой основного эмпирического исследования выступают когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о Враге, их метафорическая и нарративная основа. Цель данного исследования заключалась в том, чтобы выявить особенности метафор Врага и Друга у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Предмет пилотажного исследования: метафоры субъекта жизненного пути, метафоры Врага и Друга личности на этапе ранней и средней взрослости. В пилотажном исследовании был применён качественный метод исследования, вслед за А.А. Бочавер (2010): категориальный анализ метафор. Обнаружены метафоры, в которых в разной степени выражено принятие личностью её субъектной позиции, авторства своего жизненного пути. Впервые установлено, что метафоры, в которых подчеркнута «авторская» позиция субъекта, связаны с полярностью оценок Врага и Друга, усилением позитивных черт в образе Друга и негативных черт – в образе Врага. Метафоры, в которых менее выражены границы между субъектом и его социальным окружением, связаны с амбивалентностью образов Врага и Друга, атрибуцией Врагу и Другу как позитивных, так и негативных черт. Полученные данные свидетельствуют в пользу выдвинутой гипотезы о том, что метафоры Врага и Друга различаются у лиц с разными метафорами субъекта жизненного пути. Результаты пилотажного исследования могут быть использованы в социально-психологическом консультировании, результаты основного эмпирического исследования метафор Врага и Друга как одного из когнитивных предикторов дискриминации и «языка вражды» – при разрешении прикладных проблем психологии конфликта, психологической безопасности личности, психологии антитеррористической деятельности.

Ключевые слова: метафора, нарратив, субъект, жизненный путь, «свой», «чужой», Враг, Друг, дискриминация, «язык вражды».

Review. The pilot empirical research in this article is about the relationship between the metaphors of Enemy and Friend and metaphors about the subject of life path at the stages of emerging and middle adulthood. Cognitive predictors of the 'discrimination' and 'hate speech' phenomena presented in personal representations of Enemy, its metaphorical and narrative bases are our research problem. Pilot research goal was to determine features of the metaphors of Enemy and Friend demonstrated by persons with different metaphors about the subject of the life path. Metaphors of Enemy and Friend and metaphors about the subject of the life path at the stages of emerging and middle adulthood were the pilot research subject. The author has applied the qualitative method (category analysis of metaphors used by A. Bochaver in 2010). The results of the study prove that: within the framework of this research, adults have had different metaphors about the subject of life path. The researcher has discovered that different metaphors represent different attitude of a person to his subjective role in life and ability to make his own life. For the first time in the academic literature the researcher discovers that metaphors demonstrated by people who firmly believe that they make their own life relate to polar attitudes to Enemy and Friend, intensified positive features of the image of Friend and reinforced negative features of the image of Enemy. Metaphors with less prominent borders between the subject and his social surroundings relate to ambivalent images of Enemy and Friend and attribution of both positive and negative features to Friend or Enemy. The results of the research support the hypothesis that people with different metaphors about the subject of personal life path have different metaphors of Enemy and Friend. The results of the pilot research can be applied to solving problems in psychology of conflicts, psychology of personal safety and psychology of antiterroristic activity.

Key words: life path, 'hate speech', discrimination, metaphor, Friend, Enemy, 'alien', 'our', subject, narrative.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ЮФУ
(грант «Угрозы национальной безопасности в условиях геополитической конкуренции
и модели агрессивного и враждебного поведения молодежи», тема № 213.01-07-2015/15 ПЧВГ
(проектная часть внутреннего гранта ЮФУ)).

Актуальность проблематики феноменов «своего» и «чужого», Врага и Друга определяется условиями макросоциальных трансформаций в разных странах мира и России в последние десятилетия, социальной нестабильности, обострения социально-политических, межэтнических, межкультурных конфликтов, приобретающих формат боевых действий (в т.ч. на Украине), непростой внешнеполитической ситуации, в которой оказалась наша страна. Возрастает интерес психологов к конструированию и динамике образов Другого человека. Категоризация партнеров по общению в качестве «врагов» и «друзей», «своих» и «чужих» в индивидуальном и массовом сознании влияет на стратегии взаимодействия с ними. Образы «врагов» остаются в фокусе внимания также в связи с эскалацией дискриминационных практик по отношению к партнерам по общению из различных групп, наделяемых негативными характеристиками. Внимание исследователей привлекают языковые и поведенческие практики дискриминации, в т.ч. феномены «лукизм» (дискриминация по внешнему облику, включая «вейтизм» (по весу), «эйджизм» (по возрасту), «этно-лукизм» (по внешнему облику, характерному для представителя этнокультурной группы)). Изучение «языка вражды» в контексте дискриминационного отношения способствует разработке и реализации программ развития у молодёжи толерантности по отношению к живущим рядом с ними представителям иных религиозных, культурных, этнических и других групп.

В психологических, социологических и философских исследованиях формирование представлений о Другом человеке в различных ипостасях неразрывно связано с процессами самоопределения, «Я»-концепцией. В современном информационном обществе «протеевское» «Я» субъекта (Р.Дж. Лифтон), гибко варьирующего приоритетные идентичности в зависимости от сложившейся в данный момент социальной ситуации, относительно свободно меняющего сферу деятельности, внешний облик, место работы и проживания, социальное окружение, не «привязывая» себя к ним, презентующего себя в виртуальном Интернет-пространстве, оказывается то раздробленным, то неуловимым, текучим. Метафоры и нарративы становятся средством поддержания идентичностей субъекта, ресурсом функционирования социальных практик, способом категоризации, осмысления и интерпретации себя, других людей, социальных явлений. Их изучение позволяет выявить базис социальных установок и представлений о социальных объектах, определить их влияние на

отношение к различным социальным процессам, в т.ч. на дискриминационное отношение.

Метафоры в качестве самостоятельного предмета исследования имеют богатую историю их разработки, прежде всего, в лингвистике. Из лингвистической когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона психология заимствовала идею о том, что метафора становится когнитивным, эвристическим, инструментом, ментальной операцией, способом познания, структурирования, категоризации, конструирования и интерпретации мира, одним из неотъемлемых механизмов, схем функционирования человеческого разума. С позиций теории концептуальной интеграции G. Fauconnier и M. Turner, метафора конструирует общее ментальное пространство разных феноменов. Метафоры рассматриваются в русле интеракционистской теории, с точки зрения символического взаимодействия между явлениями, и гештальт-теории восприятия, т.к. они осуществляют «проекцию гештальта».

В настоящий период в зарубежной психологии развиваются различные направления исследования метафор на когнитивной или дискурсивной теоретико-методологической платформе. Прежде всего, авторы раскрывают функции метафор в качестве инструментов познания и конструирования социального мира. Так, в затронутых нами работах и многих иных показана роль метафор в выражении и понимании абстрактных понятий, в регуляции на физиологическом уровне восприятия и моторики субъекта. К. Inkson в своём исследовании, в частности, отмечает, что метафоры, имея денотативное, точное, и коннотативное, фигуративное, значения, опираются на эмпирический опыт субъекта, взаимодействующего с объектами материального мира, придают физическую или визуальную текстуру абстрактным понятиям. Например, изучаются пространственные метафоры «выше-ниже» в восприятии музыки. Установлены взаимосвязи между метафорой физического тепла и социальной принадлежностью в социальном познании, рассматриваются метафоры депрессии «вниз», «мрачно» [1]. Отмечено влияние метафоры на социальное восприятие. Выявлено, что неопределённость абстрактного концепта увеличивает использование метафор для его объяснения и понимания в социальном восприятии. Явления, выражаемые метафорически пространственными терминами, понимаются сходным образом.

Метафоры также репрезентируют индивидуальный опыт, представляют собой «ядро» персональных и групповых идентичностей, «Я-образа». К. Inkson, L.D. Sargent, C.D. Bataille, H.C. Vough и

М.Д. Lee обращают внимание на то, что метафоры, прежде всего, становятся лейблами, способствующими восприятию объектов, событий, процессов, придают смысл различным феноменам, выступают инструментом познания психологических явлений, подкрепляют социальные практики [1; 2]. Обнаружена всеобъемлющая природа метафор на уровне концептуального, рационального и нарративного опыта. Авторы подчёркивают, что метафоры придают значения опыту, приписывают ему атрибуты, участвуют в категоризации социального мира, выражают «Я»-концепт как сущность. Например, в фольклорных образах разных народов мира как метафорах сконцентрированы характеристики «Я-образов» больших социальных групп.

Метафоры становятся способом репрезентации межличностных отношений. Зарубежные социальные психологи установили, что психологическая дистанция с объектом усиливает метафору в межличностных отношениях. Показано, что в обыденном сознании метафоры выражают смысл опыта отношений. Исследованы метафоры «дороги» в романтических отношениях. Выявлены метафоры развития отношений как «работы», как «пути открытия», как «неконтролируемой силы», как «опасности», как «организма», как «экономического обмена», как «игры». Обнаружена метафора «рыночной площади» в межличностных отношениях, в связи с которой происходит т.н. «покупка» отношений. Метафора «рыночной площади» влияет на самооценку, оценку других людей. Метафора «рыночной площади» также встречается в романтических отношениях. Установлено, что т.н. «животные» метафоры в межличностных отношениях имеют оскорбительный смысл, концентрирующийся вокруг понятий «порочность», «непривлекательность», «глупость». Метафоры изучаются в связи с различными психологическими явлениями и процессами. Популярны исследования метафор в карьерных нарративах, прогрессивных, «стабильных» или регрессивных. Так, предложена постмодернистская метафора «протеевская» карьера» (Р.Дж. Лифтон). Внимание психологов привлекает переживание человеком периода выхода на пенсию, метафорически воспринимаемого в качестве «потери цели, идентичности», «освобождения», «нового начала», «ренессанса». Изучаются метафоры «субъекта» и «объекта», представляющие траекторию движения цен как одушевлённого / неодушевлённого объекта.

Метафоры выступают инструментом психотерапевтической работы. В психотерапии метафоры рассматриваются как «язык бессознательного». В когнитивно-бихевиоральной терапии они приме-

няются в качестве метода усиления информационных процессов во время терапии. В психотерапии использование метафор вызывает изменения в биологической, психологической и социокультурной реальности клиента. Проанализированы пространственно-временные метафоры переживания горя. Обнаружено, что в индивидуальном восприятии метафоры «движения» людей относительно объектов-событий связаны с более короткими периодами переживания горя, чем метафоры «движения» объектов-событий относительно людей.

Метафоры представляют собой средство поддержания социальных практик, социальных представлений. В. Indurkha в своём исследовании отмечает, что метафоры участвуют в порождении новых представлений [3]. В фокусе внимания многих авторов остаются метафоры в политическом дискурсе России и США как лингвистический инструмент поддержания идеологической оценки политических «врагов» и «друзей», конкурентов, общественных явлений, своего народа и народов других стран. В. Indurkha подчёркивает, что метафоры в дискурсе выражают эмоциональные оценки и властные отношения; метафоры непосредственно или опосредствованно могут выступать предрассудками [3].

В российской психологии преобладает комплексный подход к метафорам, основанный на когнитивной теоретико-методологической платформе. Так, в исследовании А.П. Якунина, анализирующего метафоры как форму объективации смысловой сферы, подростки метафорически описывают значимых людей в разных ролевых позициях и разные сферы их жизнедеятельности [4]. А.А. Бочавер подчёркивает, что метафоры выражают ценностные ориентации, репрезентируют жизненный путь субъекта [5]. А.А. Бочавер выделяет 7 типов метафор субъекта жизненного пути: «Взрослый» («ответы, подразумевающие нормативность, рациональность, наличие опыта ...значимость социального статуса» [4, с. 127]); «Ребёнок» («образы, демонстрирующие непосредственность, искренность, незащитность, непредсказуемость, инфантильность» [4, с. 127]); «Автор» («образы, в которых содержатся указания на высокий уровень субъектности...» [4, с. 127]); «Жертва» («образы, акцентирующие уязвимость, травматический опыт, постоянный проигрыш» [4, с. 127]); «Победитель» («образы, подразумевающие наличие травматического опыта и победу над обстоятельствами, преодоление препятствий» [4, с. 127]); «Агрессор» («образы, в которых демонстрируется активность, агрессивность, сила и непредсказуемость» [4, с. 127]); «Персонаж» («образы, которым свойствен-

на искусственность, изображение чего-то неистинного» [4, с. 127]). И.В. Вачков и Т.А. Липская используют метафоры как средство преобразования индивидуального опыта и инструментом психотерапевтической работы [6; 7]. Метафоры становятся предметом лингвистических и социологических исследований политического дискурса, рекламного дискурса, потому что оценивают и осмысливают значимые общественные явления, в доступной и наглядной форме отображают артефакты и процессы, например, политические события, политических лидеров, военные конфликты, семейные ценности и т.п.

По мнению Й. Брокмейера, Р. Харре, нарратив (миф, сказка, правдивая и вымышленная история), включающий в себя метафоры, анализируется как набор инструкций, норм, интегрирующих индивидуальный случай в обобщённый, культурно установленный канон, структурированный рассказ, включающий последовательный ход событий, ориентированный на действие, являющийся способом организации жизненных историй, «самости», «идентичности», осмысливающий жизненный опыт [8]. Нарратив поддерживает, организует конструктивную природу человеческого опыта, в рамках «социально-конструктивистского» подхода становится методом познания индивидуальных и социальных практик, дискурсивным продуктом интерперсонального взаимодействия, составляет основу «Я». В русле когнитивистского направления нарратив рассматривается как объект психологического знания, анализируется с позиций структурного подхода, динамического подхода и концепции «микроисторий». В зарубежной психологии можно выявить следующие направления исследования групповых и персональных нарративов на когнитивной или дискурсивной теоретико-методологической платформе.

Прежде всего, нарратив становится инструментом познания и конструирования социального мира. В работах J.L. Baddeley, J.A. Singer, K.C. McLean, M. Pasupathi, E. Mansour, P.L. Hammack нарратив выступает способом репрезентации индивидуального опыта, «Я» и межличностных отношений, персональных и групповых идентичностей, в т.ч. в Интернете [9; 10; 11; 12]. Рассматриваются взаимосвязи индивидуальных нарративов и личностных черт. В исследованиях, которые здесь приведены, и многих иных индивидуальное «Я» предстаёт как нарративные конструкции, функционирующие в социальном взаимодействии, его осмысливающие и поддерживающие. Изучается динамика нарративного самоконструирования в период ранней и средней зрелости. Внимание

исследователей привлекает автобиографическая рефлексия в нарративе, ретроспективная эмоциональная переоценка прошлых событий, осмысление их и взаимосвязей между прошлым и «Я». Нарративы выполняют функцию «карты» социального окружения субъекта, суммируя и категоризируя его опыт социального взаимодействия, превращая его в осмысленное целое, отношений с другими в течение жизни, создавая общность с другими людьми, управляя социальным поведением, в т.ч. потребительским поведением. Так, показано конструирование индивидуального опыта на примере миграции, процессов «сепарации-индивидуации». Система идентичностей личности предстаёт в качестве нарративных практик, результата конструирования жизненных историй. В фокусе внимания психологов остаётся этническая идентичность как нарративная практика, связанная с взаимодействием членов доминантных и недоминантных групп. Например, P.L. Hammack в своём исследовании установил, что поддержание нарративной этнической идентичности, в т.ч. «двойной», конфликтной или гармоничной, связано с большими этно-национальными нарративами (на примере идентичностей палестинцев и израильтян) [12]. Выполняется социолингвистический анализ нарративов в Интернете, в т.ч. в Твиттере, поддерживающих расовую и этническую идентичность, с точки зрения параметров «ориентация», «сложность», «оценка» и «разрешение». В Твиттере выявлены два типа историй: протяжённые «завершённые» нарративы и фрагментарные нарративы. Изучается карьерная идентичность как нарративные практики. Также рассматриваются взаимосвязи индивидуальных нарративов и личностных черт, факторов «Большой пятёрки», их совместная динамика. Внимание привлекают такие свойства, как экстравертированность и интровертированность. Социальные психологи установили, что экстравертированные люди более склонны к конструированию коллективных нарративов; в спонтанных разговорах экстраверты чаще меняют тему, рассказывают о романтических отношениях; интроверты чаще развивают одну тему, рассказывают о семье, родном городе, прошедших событиях. Обнаружили взаимосвязи биографического нарратива о семейном воспитании с консерватизмом-либерализмом. Консерваторы более склонны рассказывать о самодисциплине, авторитарных фигурах, социальной иерархии, либералы более склонны рассказывать о гармоничности, открытости семейных отношений. Отмечено, что конструирование автобиографического нарратива, событий в хронологическом порядке, усиливает политический консерватизм.

В нарративах создаются персональные смыслы событий в семейных отношениях, в т.ч. в ситуациях супружеской неверности и развода. Зарубежные авторы анализируют конструирование позитивных черт партнёра в романтических отношениях.

J.M. Adler, J.W. Wagner, D.P. McAdams рассматривают нарратив как инструмент психотерапевтической работы [9; 13]. В психотерапии нарративы предстают в качестве метода гармонизации отношений с собой и другими людьми. Так, исследуются ресурсы психической адаптации в нарративах в ситуациях тяжёлой утраты, нарративы о недоброжелательных отношениях, о взаимодействии с врагом.

Нарратив становится средством поддержания социальных практик и социальных представлений. Зарубежные авторы отмечают, что нарративы превращаются в сюжетобразующие конструкции, на которых базируются социальные представления как инструменты социального познания, изучаемые в т.ч. на примере популярных фильмов. Так, в исследованиях показано, как в школьных учебниках в пяти европейских странах нарративные идентичности больших социальных групп создаются посредством использования исторических символов.

В российской психологии, в работах Ф.И. Барского, В.В. Нурковой, Е.Е. Сапоговой, процесс создания автобиографического нарратива проанализирован как когнитивное наложение культурных прототипов и нарративных форм на цепочку индивидуальных жизненных случаев [14; 15; 16]. К.С. Кутковая подчёркивает, что нарратив становится средством социализации личности, репрезентации её жизненного мира, её системы идентичностей [17]. Российские авторы изучают структуру нарративов, в т.ч. автобиографических, выявляют пространственно-временные отношения в тексте, разрабатывают повествовательные коммуникации, нарративные инстанции повествования, формы, существующие в данной культуре (синтаксические, семантические, лексические особенности повествования). В фокусе внимания российских исследователей (Е.Е. Сапоговой, Н.К. Радиной) остаются жизненные сценарии в автобиографических нарративах [18], способы организации повествования о своей жизни [16]. В.Н. Дружинин описывал «варианты жизни» как наиболее обобщённые нарративные прототипы, формирующие и типизирующие личность [19]. В различных работах нарратив также выступает средством спонтанного и целенаправленного формирования социальных представлений. Так, российские психологи изучают политическую ав-

тобиографию как нарратив; нарративные представления подростков о семье; мифологический нарратив как сюжетобразующую конструкцию современных телесериалов. И.В. Вачков, Е.С. Калмыкова, Э. Мергенталер используют нарратив в качестве инструмента психотерапевтической практики [6; 20].

В условиях «визуального поворота» и взаимодействия людей в виртуальной среде психологи начинают разрабатывать проблематику визуальной репрезентации биографических метафор и персональных нарративов в Интернете, в т.ч. в социальных сетях.

В метафорах и нарративах создаются, детализируются и осмысляются образы «Я» и Другого человека в разных категориях. Партнёры по общению наделяются статусами «своих» и «чужих», «близких», «друзей» и «врагов». Российские социальные психологи (В.В. Знаков, В.А. Лабунская, Д.Н. Тулинова) отмечают, что Враг в качестве субъекта межличностных отношений и объекта представлений выступает членом иной группы с чуждыми убеждениями, отрицательными нравственными качествами, агрессивным, завистливым соперником, способным обмануть, предать, с непредсказуемым поведением, а Друг – субъектом помощи, доверия, духовной близости, эмоциональной поддержки [21; 22; 23]. Дружественное или враждебное отношение актуализируется во взаимодействии с другим человеком, воспринимаемым в качестве «своего»-«чужого», «террориста». Так, В.В. Знаков в своём исследовании обращается к враждебному образу мусульманского террориста [21], Т.А. Шкурко анализирует образы «своего»-«чужого» у жителей городов разного типа [24]. Российские авторы выявили макрофакторы и микрофакторы, обуславливающие содержание представлений о Враге и Друге. Т.П. Емельянова отмечает влияние общественной идеологии, социально-экономической ситуации в стране, СМИ на характеристики социальных представлений [25]. Рассмотрено влияние системы социальных идентичностей личности, социальной ситуации развития, референтных групп, отношений личности на определенном этапе жизненного пути, жизненных событий на данные характеристики [22; 23].

В зарубежной и российской психологии обнаружена метафорическая и нарративная природа социальных представлений. Несмотря на то, что социальные представления о «своем»-«чужом», Враге-Друге влияют на отношение к индивиду и группе как партнёрам в разных сферах общения, на конфликтность-гармоничность взаимодействия с

ними, в теоретическом и эмпирическом аспектах недостаточно изучены их взаимосвязи с биографическим нарративом личности. Рассматриваются автобиографические нарративы как репрезентация жизненного пути личности, однако не показано влияние отношений между «своими» и «чужими» на его содержание. Разработана структура и факторы дискриминационного отношения и поведения, тем не менее, с целью решения прикладных задач психологии конфликтов, психологии безопасности личности, психологии антитеррористической деятельности, необходим дальнейший анализ когнитивных предикторов феномена «дискриминация» и «язык вражды».

В этой связи, проблемой нашего исследования выступают когнитивные предикторы феноменов «дискриминация» и «язык вражды», выраженные в представлениях личности о Враге, их метафорическая и нарративная основа. Планируется эмпирическое исследование взаимосвязей метафор «своего» и «чужого» и социально-психологических характеристик представлений о Враге и Друге личности на этапе ранней и средней взрослости. Методологическими основаниями данного исследования выступают российская комплексная модель метафоры (И.В. Вачков, А.А. Бочавер, Д.О. Смирнов, Е.В. Чёрный, А.П. Якунин), российская когнитивная модель биографического нарратива (Ф.И. Барский, В.В. Нуркова, Е.Е. Сапогова); выводы теории социальных представлений о структуре, содержании, динамике, факторах трансформации (К.А. Абульханова-Славская, А.И. Донцов, Т.П. Емельянова, П.Н. Сихирев, J.-Cl. Abric, D. Jodelet, S. Moscovici); концепция о Враге и Друге как субъектах общения (В.В. Знаков, В.А. Лабунская, Д.Н. Тулинова). В исследовании будут применены следующие методы: категориальный структурно-содержательный анализ представлений, контент-анализ, нарративный анализ, методы математической статистики (частотный анализ, кластерный анализ, непараметрические критерии). С целью определения метафор жизненного пути человека будет использована методика А.А. Бочавер. С целью исследования метафор «своих» и «чужих» будет применена разрабатываемая нами методика. С помощью нарративного интервью будут получены биографические нарративы. С целью исследования представлений взрослых о Враге и Друге будет применена авторская методика «Социально-психологические характеристики представлений о Друге и Враге» (В.Д. Альперович, 2010).

В данной статье представлено пилотажное исследование взаимосвязей метафор субъекта жизненного пути и метафор Врага и Друга личности.

Его цель заключалась в том, чтобы выявить особенности метафор Врага и Друга у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Основная гипотеза пилотажного исследования предполагала, что метафоры Врага и Друга различны у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Методом исследования выступает категориальный анализ метафор субъекта жизненного пути, Врага и Друга. В исследовании была использована методика исследования метафор жизненного пути А.А. Бочавер, с модифицированной инструкцией. Кроме метафор жизненного пути и субъекта жизненного пути, мы предложили респондентам представить их метафоры Врага и Друга. Эмпирический объект исследования: 88 респондентов 21-38 лет (студенты Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону).

Метафоры субъекта жизненного пути, предложенные респондентами, были обозначены в соответствии с типами метафор, выделенными А.А. Бочавер. С целью анализа метафор Врага и Друга были выделены следующие категории, отражающие аспекты образа Друга (В.Д. Альперович, 2010): «Субъект совместной деятельности», «Субъект, интеллектуально сходный с партнёром», «Субъект устойчивой эмоциональной поддержки», «Субъект устойчивой интерактивной поддержки», «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнёру», «Эмоционально оцениваемый носитель положительных качеств», «Субъект устойчивых межличностных отношений», «Субъект отношений с другими людьми». Также были выделены следующие категории, отражающие аспекты образа Врага (В.Д. Альперович, 2010): «Активный участник конфликтной интеракции», «Субъект враждебных отношений», «Субъект интеллектуальной, ценностной и конативной конфронтации», «Субъект манипуляций», «Субъект, не принадлежащий к «Мы», «Субъект соперничества», «Субъект внутриличностной враждебности», «Эмоционально оцениваемый носитель отрицательных качеств», «Субъект отношений с другими людьми».

На первом этапе пилотажного исследования были выявлены метафоры субъекта жизненного пути респондентов. В группе 1 (88,6% респондентов) каждый респондент подчёркивает метафору субъекта жизненного пути «Автор» (например, – «главная роль», «я сам», «тот, кто всем заправляет», «волшебник»). Таким образом, респонденты воспринимают себя в качестве активных субъектов их жизненного пути и берут на себя ответственность за него. В группе 2 (11,4% респондентов) у каждого респондента метафора субъекта жизненного

пути «Автор» сопровождается другими метафорами: «Родитель», «Ребёнок», «Жертва», «Персонаж» (например, «клоун», «актёр»). Таким образом, респонденты воспринимают себя в качестве активных субъектов их жизненного пути и берут на себя ответственность за него только в определённых ситуациях взаимодействия. Респонденты могут воспринимать себя в качестве объекта активности окружающих людей и обстоятельств в других ситуациях взаимодействия.

На втором этапе пилотажного исследования были выявлены метафоры Врага и Друга. В зооморфных метафорах респондентов группы 1 Враг и Друг уподобляются хищникам / домашним животным (например, Враг – «змея», «злой волк» и т.д.; Друг – «собака», «пушистый зайчик»). Также у респондентов группы 1 обнаружены метафоры, в которых образы Врага и Друга сравниваются с какими-либо артефактами или природными явлениями (например, Враг – «зло», «колючий дождь», «минное поле», «опасный человек»; Друг – «добро», «поддержка и понимание», «плот, на котором ты плывешь по реке жизни»). Метафоры Врага и Друга представлены биполярными конструктами, в которых фиксированы только позитивные качества Друга и негативные качества Врага. В метафорах Друга акцентированы следующие категории образа Друга: «Субъект устойчивой эмоциональной поддержки», «Эмоционально оцениваемый носитель положительных качеств», «Субъект устойчивой интерактивной поддержки». Друг выполняет функции верного, преданного человека, помощника, наделённого позитивными качествами. В метафорах Врага акцентированы следующие категории образа Врага: «Активный участник конфликтной интеракции», «Субъект манипуляций», «Субъект, не принадлежащий к «Мы», «Эмоционально оцениваемый носитель отрицательных качеств». Враг выполняет функции агрессора, предателя, обманщика, «чужого», наделённого негативными качествами.

В метафорах респондентов группы 2 Враг и Друг не уподобляются хищникам / домашним животным, артефактам или природным явлениям. Метафоры Врага и Друга представлены конструктами, в которых фиксированы как позитивные, так и негативные качества Врага и Друга (например, Враг и Друг – «учитель», Враг – «урок», «человек с другим мнением», «похожий на меня», «почти друг»). В метафорах Друга акцентирована следующая категория образа Друга: «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнёру». Друг выполняет функции партнёра, занимающего доминирующую или подчинённую

позицию по отношению к субъекту. В метафорах Врага акцентированы следующие категории образа Врага: «Субъект интеллектуальной, ценностной и конативной конфронтации», «Субъект, занимающий некоторую позицию по отношению к партнёру», «Субъект отношений с другими людьми». Враг выполняет функции партнёра, занимающего доминирующую или подчинённую позицию, по отношению к которому также проявляют непонимание, с другими ценностями и целями.

Полученные данные свидетельствуют в пользу выдвинутых гипотез. В рамках данной выборки, метафоры субъекта жизненного пути у лиц на этапе ранней и средней взрослости различаются. Обнаружены метафоры, в которых в разной степени выражено принятие личностью её субъектной позиции, авторства своего жизненного пути. Метафоры Врага и Друга различны у лиц, различающихся метафорами субъекта жизненного пути. Метафоры, в которых подчёркнута «авторская» позиция субъекта, связаны с полярностью оценок Врага и Друга, усилением позитивных черт в образе Друга и негативных черт – в образе Врага. Метафоры, в которых менее выражены границы между субъектом и его социальным окружением, связаны с амбивалентностью образов Врага и Друга, атрибуцией Врагу и Другу как позитивных, так и негативных черт.

Проведённое нами пилотажное исследование иллюстрирует стратегию применения метафор в обыденном познании для конструирования значимых социальных объектов, в частности, как жизненный путь, «Враг», «Друг». Метафоры выражают «ядерные» характеристики образов этих явлений в сознании субъекта.

Целями нашей дальнейшей работы мы видим проверку гипотез, выдвинутых в пилотажном исследовании, изучение влияния содержания и взаимодействия метафор о «своем» и «чужом» в биографическом нарративе на социально-психологические характеристики представлений личности о Враге и Друге, построение эмпирической модели одного из социально-психологических предикторов «языка вражды» и дискриминации. Результаты и выводы исследования могут быть использованы при диагностике, прогнозировании динамики представлений о другом человеке; с целью преодоления трудных жизненных ситуаций и разрешения конфликтов в разных сферах взаимодействия (семья, работа, досуг), при проведении предвыборных кампаний, решении проблем психологической безопасности личности, установлении причин межэтнических и межкультурных конфликтов, в контексте практических задач социальной психологии антитеррористической деятельности.

Список литературы:

1. Inkson K. Protean and boundaryless careers as metaphors // Journal of Vocational Behavior, vol. 69, Issue 1, August 2006, pp. 48-63.
2. Sargent L.D., Bataille C.D., Vough H.C., Lee M.D. Metaphors for retirement: Unshackled from schedules // Journal of Vocational Behavior, vol. 42, Issue 3, 2011, pp. 225-230.
3. Indurkha V. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // New Ideas in Psychology, vol. 24, Issue 2, August 2006, pp. 133-162.
4. Якунин А.П. Исследование метафор как форм объективации смысловой сферы в представлениях подростков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 256-267.
5. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути человека: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 220 с.
6. Вачков И.В. Возможности метафоры в сказкотерапевтической работе со взрослыми // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4. № 1(13). С. 75-88.
7. Липская Т.А. Метафора как средство изучения школьных страхов детей младшего школьного возраста: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 28 с.
8. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29-42.
9. Baddeley J.L., Singer J.A. A Social Interactional Model of Bereavement Narrative Disclosure // Review of General Psychology, vol. 13, Issue 3, September 2009, pp. 202-218.
10. McLean K.C. Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity // Developmental Psychology, vol. 44, Issue 1, January 2008, pp. 254-264.
11. Pasupathi M., Mansour E. Adult Age Differences in Autobiographical Reasoning in Narratives // Developmental Psychology, vol. 42, Issue 5, September 2006, pp. 798-808.
12. Hammack P.L. Narrating hyphenated selves: Intergroup contact and configurations of identity among young Palestinian citizens of Israel // International Journal of Intercultural Relations, vol. 34, Issue 4, July 2010, pp. 368-385.
13. Adler J.M., Wagner J.W., McAdams D.P. Personality and the coherence of psychotherapy narratives // Journal of Research in Personality, vol. 41, Issue 6, December 2007, pp. 1179-1198.
14. Барский Ф.И. Личность как черты и как нарратив: возможности уровневых моделей индивидуальности // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Вып. 3. С. 93-105.
15. Нуркова В.В., Днестровская М.В., Михайлова К.С. Культурный жизненный сценарий как динамическая семантическая структура (ре)организации индивидуального жизненного опыта // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 25. С. 2. (URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html#e3>)
16. Сапогова Е.Е. Автобиографический нарратив в контексте культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2005. № 2. С. 63-74.
17. Кутковая К.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16). С. 23-33.
18. Радина Н.К. Культурно-специфическое и индивидуальное в историях жизни мужчин и женщин (на материале автобиографий) // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 71-80.
19. Дружинин В.Н. Варианты жизни // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 3. С. 108-124.
20. Калмыкова Е.С., Мергенталер Э. Нарратив в психотерапии: рассказы пациентов о личной истории (часть 1) // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 5. С. 97-103.
21. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 23-35.
22. Лабунская В.А. Образ врага в межличностном общении // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 52-64.
23. Тулинова Д.Н. Представления о Враге и Друге в связи с отношением к жизни на различных этапах. Дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 288 с.
24. Шкурко Т.А. Отношения к «своим / чужим», «близким / далёким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 81-94.
25. Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИП РАН, 2006. 400 с.

References (transliteration):

1. Inkson K. Protean and boundaryless careers as metaphors // Journal of Vocational Behavior, vol. 69, Issue 1, August 2006, pp. 48-63.
2. Sargent L.D., Bataille C.D., Vough H.C., Lee M.D. Metaphors for retirement: Unshackled from schedules // Journal of Vocational Behavior, vol. 42, Issue 3, 2011, pp. 225-230.
3. Indurkha V. Emergent representations, interaction theory and the cognitive force of metaphor // New Ideas in Psychology, vol. 24, Issue 2, August 2006, pp. 133-162.
4. Yakunin A.P. Issledovanie metafor kak form ob"ektivatsii smyslovoi sfery v predstavleniyakh podrostkov // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2013. № 161. S. 256-267.

5. Bochner A.A. Metafora kak sposob vnutrennei reprezentatsii zhiznennogo puti cheloveka: Dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2010. 220 s.
6. Vachkov I.V. Vozmozhnosti metafory v skazkoterapevticheskoi rabote so vzroslymi // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. 2015. T. 4. № 1(13). S. 75-88.
7. Lipskaya T.A. Metafora kak sredstvo izucheniya shkol'nykh strakhov detei mladshego shkol'nogo vozrasta: Avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk. M., 2013. 28 s.
8. Brokmeier I., Kharre R. Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoi al'ternativnoi paradigmy // Voprosy filosofii. 2000. № 3. S. 29-42.
9. Baddeley J.L., Singer J.A. A Social Interactional Model of Bereavement Narrative Disclosure // Review of General Psychology, vol. 13, Issue 3, September 2009, pp. 202-218.
10. McLean K.C. Stories of the Young and the Old: Personal Continuity and Narrative Identity // Developmental Psychology, vol. 44, Issue 1, January 2008, pp. 254-264.
11. Pasupathi M., Mansour E. Adult Age Differences in Autobiographical Reasoning in Narratives // Developmental Psychology, vol. 42, Issue 5, September 2006, pp. 798-808.
12. Hammack P.L. Narrating hyphenated selves: Intergroup contact and configurations of identity among young Palestinian citizens of Israel // International Journal of Intercultural Relations, vol. 34, Issue 4, July 2010, pp. 368-385.
13. Adler J.M., Wagner J.W., McAdams D.P. Personality and the coherence of psychotherapy narratives // Journal of Research in Personality, vol. 41, Issue 6, December 2007, pp. 1179-1198.
14. Barskii F.I. Lichnost' kak cherty i kak narrativ: vozmozhnosti urovnevnykh modelei individual'nosti // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2008. T. 3. Vyp. 3. S. 93-105.
15. Nurkova V.V., Dnestrovskaya M.V., Mikhailova K.S. Kul'turnyi zhiznennyi stsenarii kak dinamicheskaya semanticheskaya struktura (re)organizatsii individual'nogo zhiznennogo opyta // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5. № 25. S. 2. (URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n25/734-nourkova25.html#e3>)
16. Sapogova E.E. Avtobiograficheskii narrativ v kontekste kul'turno-istoricheskoi psikhologii // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2005. № 2. S. 63-74.
17. Kutkovaya K.S. Narrativ v issledovanii identichnosti // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2014. № 4(16). S. 23-33.
18. Radina N.K. Kul'turno-spetsificheskoe i individual'noe v istoriyakh zhizni muzhchin i zhenshchin (na materiale avtobiografii) // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. T. 36. № 1. S. 71-80.
19. Druzhinin V.N. Varianty zhizni // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2005. T. 2. № 3. S. 108-124.
20. Kalmykova E.S., Mergentaler E. Narrativ v psikhoterapii: rasskazy patsientov o lichnoi istorii (chast' 1). // Psikhologicheskii zhurnal. 1998. T. 19. № 5. S. 97-103.
21. Znakov V.V. Obraz vruga kak psikhologicheskoe osnovanie ponimaniya musul'manskikh terroristov rossiyanami // Voprosy psikhologii. 2012. № 2. S. 23-35.
22. Labunskaya V.A. Obraz vruga v mezhlchnostnom obshchenii // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2013. № 3. S. 52-64.
23. Tulinova D.N. Predstavleniya o Vrage i Druge v svyazi s otnosheniem k zhizni na razlichnykh etapakh. Dis. ... kand. psikhol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 288 s.
24. Shkurko T.A. Otnosheniya k «svoim/chuzhim», «blizkim/dalekim» zhitelei gorodov raznogo tipa // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. 2013. № 4. S. 81-94.
25. Emel'yanova T.P. Konstruirovaniye sotsial'nykh predstavlenii v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva. M.: IP RAN, 2006. 400 s.